

© 1995 г., ЭО, № 6

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Прошу опубликовать это открытое письмо по вопросу, касающемуся не только лично меня, но и Института этнологии и антропологии РАН, а также имеющему более широкое этнополитическое значение.

Начало данного вопроса относится к концу 1994 г., когда Прокуратурой г. Санкт-Петербург было заведено дело против философа и издателя В. Н. Безверхова, в произведениях которого «Антропология» и «Философия истории» (журнал «Волхв» № 3(6) за 1992 г. и № 1(7) за 1993 г.) были усмотрены высказывания, подпадающие под Ст. 74 УК РФ («Нарушение национального и расового равноправия»). Основанием для этого явилась оценка названных произведений ведущим научным сотрудником Музея этнографии и антропологии РАН антропологом д. и. н. А. Г. Козинцевым, который обнаружил в них якобы пропаганду идей «расизма» и «фашизма». Но вина Безверхова была не столь очевидной, а отзыв Козинцева страдал предвзятостью и голословием. Так или иначе, Прокуратура сочла его недостаточным и обратилась в дирекцию Института этнологии и антропологии с просьбой найти специалистов для новой экспертизы, а так как я уже имел к тому времени опыт судебных экспертиз по аналогичным темам, то принял предложение выполнить такую работу.

Должен сказать, что произведения В. Безверхова мне не понравились, как, впрочем, не нравится и многое другое, что стало публиковаться с допущением «гласности». В своей экспертизе представленных текстов я отметил немало антинаучного и противоречивого, несколько беглых высказываний о более высоких способностях «белой» расы и входящих в нее народов, несколько грубых названий других этно-расовых групп (например, термин «ублюдки» по отношению к метисам) и т. д. Однако все это было разбросано на трехстах страницах текста и не складывалось в какую-то более или менее последовательную изложенную концепцию расизма, в пропаганду национальной розни и национального неравноправия, за что по Ст. 74 УК РФ предусматривается до 3-х лет лишения свободы. Выводы моего экспертного заключения были поддержаны и кандидатом психологических наук Н. М. Лебедевой.

На суде, состоявшемся в Санкт-Петербурге в середине января 1995 г., были заслушаны выводы обеих экспертиз; кроме того, А. Козинцев имел возможность выступить лично с доказательствами «вины» В. Безверхова и опровержением выводов моей экспертизы, но явно не преуспел в этом: решением суда обвинение против Безверхова было снято. У Козинцева и его единомышленников была возможность опротестовать решение суда законным путем, подать на пересуд. Однако он еще до завершения судопроизводства решил воздействовать на него с помощью известного метода газетных наветов. С этой целью Козинцев дал письменное «заявление» для газеты «Известия», которое легло в основу заметки Е. Соломенко «Подсудимый не скрывал радости...», а та была опубликована 20 января 1995 г. вместе с заметкой о сходном судебном деле под общим громким названием «Русские фашисты и их адвокаты».

Мне, право же, неудобно повторять все измышления А. Козинцева, которыми он пытается показать какую-то причастность самого меня к идеям «расизма» и «фашизма» и тем самым опорочить меня как ученого, выступившего в качестве судебного эксперта. Отмечу лишь, что для этого он прибегает к выдергиванию из контекста моей экспертизы отдельных фраз и даже частей фраз, чтобы истолковать их в удобном для себя смысле. Достаточно показательна в этом отношении центральная часть письма Козинцева, в которой говорится: «Но хотя, „вопреки Козинцеву, в работе нет фашистской агитации“, сам эксперт считает, что „Гитлер и Розенберг не всегда говорили вредную чушь“, а „обвинять Безверхова в антисемитизме на основании его отрицательного отношения к жидам нет оснований“, ведь автор уничтожает не евреев, а иудаистов и сионистов».

А теперь приведу соответствующие места из текста моей экспертизы.

О Гитлере и его главном идеологе А. Розенберге говорится применительно к тому месту произве-

* Поступающие в редакцию письма не редактируются.

дня В. Безверхова «Антропология», где он упоминает использованный теми «миф крови». Так как эта отсылка подверглась осуждению в экспертизе А. Козинцева, я пишу: «Конечно, Гитлер и Розенберг были страшными злодеями (особенно по отношению к евреям), но они не были идиотами и не всегда говорили только вредную чушь, недостойную даже упоминания. Миф о кровном единстве этноса существует, имеет широкое хождение и заслуживает специального рассмотрения; уместно отметить, что в советских правилах паспортизации (сохраняемых в Российском МВД, насколько мне известно, по сей день) для определения „национальности“ применяется „принцип крови“ — по отцу или по матери. Ученые могут не соглашаться с таким „принципом“, но должны учитывать его существование и связанные с этим последствия». Ничего плохого в сказанном мною я не вижу и готов подписаться под своими словами еще раз.

Что же касается слов об «антисемитизме», то они взяты из другого места моей экспертизы, где я, отметив предварительно грубость термина «жиды» для обозначения евреев-иудаистов, относительно фразы В. Безверхова — «В 1964 году Святослав освободил от уплаты дани жидам самое восточное славянское племя — вятичей» — пишу: «В приведенной цитате и некоторых других местах Безверхий В. Н. отступает от принятого им смысла „жид“ как „еврей-иудаист“ и называет „жидами“ племена хазар, среди которых распространился иудаизм. Вместе с тем, это еще раз показывает, что обвинять Безверхова в „антисемитизме“ на основании его негативного отношения к „жидам“ (иудеям) нет достаточных оснований». Каждый может убедиться в том, сколь пакостно препарировал мое высказывание А. Козинцев, добавив к нему для сгущения красок будто бы принадлежащую В. Безверхову и обращенную в настоящее время мысль об «изничтожении... иудаистов и сионистов». За такую мысль полагалось бы как-то ответить самому А. Козинцеву.

Известно, что в редакции центральных газет приходят сотни различных, в том числе и клеветнических писем, причем, последние после должной проверки, как правило, отбрасываются. Подготовки и измышления, содержащиеся в письме-заявлении А. Козинцева, можно было бы легко установить, если использовавший его Е. Соломенко, заявивший, будто бы «комплексную экспертизу журнальных публикаций Безверхова провел Институт этнологии и антропологии Российской академии наук», соизволили бы обратиться в Институт: здесь он мог бы ознакомиться с копией текста экспертизы, направленной в Прокуратуру Санкт-Петербурга, здесь он мог бы уточнить, что роль Института в данном случае сводилась по сути к посредничеству. Но этого сделано не было; более того, Е. Соломенко искажил даже имя Козинцева, назвав его вместо Александра — «Алексеем». Можно догадаться, что он, будучи сотрудником «Известий», сильно спешил, жертвуя ради этой спешки правдивостью; сама же спешка была, очевидно, обусловлена тем, что редакция «Известий» готовила актуальный материал к проходившему в то время в Москве Антифашистскому Конгрессу. Конгресс же воспринял публикацию в «Известиях» как установленный факт и вынес по ней даже специальное решение, осуждавшее в какой-то степени и Институт этнологии и антропологии РАН. Часть тиража «Известий» и материалы Конгресса пошли за рубеж, вызвав там у одних коллег недоумение, у других — негодование по поводу якобы нездоровой атмосферы в Институте. Немалое замешательство произошло и среди отечественных этнологов и антропологов.

Пользуясь случаем, приношу свою глубокую благодарность всем тем коллегам, которые давно знали меня как ученого и человека, как ветерана-фронтовика Великой Отечественной войны, а потому сразу отвергли облыжное обвинение меня в каком-то пособничестве «расизму», тем более — «фашизму». Тем не менее, я уже довольно давно чувствую потребность объяснить по этому делу достаточно основательно. Такая потребность не была, к сожалению, удовлетворена путем обсуждения, случившегося на каком-то специальном заседании Ученого совета Института, и она стала особенно острой после того, как в конце июня с/г мне позвонила из Лондона коллега Т. Драгадзе и почти в часовой разговоре пыталась выяснить суть происшедшего для заказанной ей по этой теме статьи для журнала «Anthropology Today».

К сказанному целесообразно добавить еще несколько замечаний, относящихся к вопросам о юридическом обеспечении этнических отношений в нашей стране, о сути «антисемитизма» и о «русском фашизме».

Кончая свое «заявление» для «Известий» А. Козинцев, пишет: «Ясно для меня одно: если суд сочтет, что деятельность Безверхова не подпадает под статью 74 УК РФ, эту статью нужно просто вычеркнуть из Кодекса, ибо в таком случае абсолютно очевидно, что она не будет применена никогда и ни к кому». Сказано — по-юношески категорично, но без достаточного знания дела: в названной статье нет даже упоминания о «фашизме», в приверженности которому А. Козинцев пытался обвинить В. Безверхова, а потому его обвинения фактически повисали в воздухе. Да и передо мною, как экспертом, Прокуратура

ставила вопросы, в которых термин «фашизм» не фигурировал. Что касается содержания самой статьи 74 УК РФ, то оно уже после первой проведенной в 1992 г. экспертизы публикаций газеты «Пульс Тушина» показалось мне неточным и недостаточным для адекватной реакции на конкретные случаи сложных этнических конфликтов в России. Об этом мною было написано в статье «Все мы „избранники Божьи“» («Юридическая газета», № 8. 1993).

В названной статье мною было обращено внимание и на неправомерность отождествления «антисемитизма» (антиеврейства) с «антииудаизмом» и «антисионизмом». Критика некоторых положений иудаизма, связанных с утверждением «богоизбранничества» евреев и завещанного якобы им Богом права властвовать над другими народами, представляется достаточно обоснованной. Что же касается сионизма, ставшего воинствующим национализмом, то он, как известно, решением ООН долгое время считался одной из форм «расизма». Приходилось мне читать и о по существу преступной деятельности «еврейской мафии», проникшей во властные структуры и в средства массовой информации, но поскольку это относится опять-таки лишь к части евреев, это не следует подводить под «антисемитизм»; другое дело, что термин «мафия» представляется в данном отношении неудачным.

Мне пришлось остановиться несколько подробнее на вопросе об «антисемитизме» по двум причинам. Во-первых, потому, что в судебном деле по газете «Пульс Тушина», да и в подавляющем большинстве других известных мне дел, возбужденных по статье 74 УК РФ, обвинение строилось главным образом на реальных или — что чаще — надуманных признаках «антисемитизма» (это происходит и в деле В. Безверхого). Во-вторых, потому, что распространяемый в последнее время миф о «русском фашизме» строится на рассуждениях о том, будто бы главным признаком «фашизма» является именно «антисемитизм», который якобы издавна свойственен русским людям и теперь проявляется все более отчетливо.

Тематика, относящаяся к русскому «антисемитизму» и «русскому фашизму», охватывает много сложных проблем, требующих специального рассмотрения. Одной из таких проблем является историческое соотношение «еврейского вопроса» с «русским вопросом» особенно в советское время, так как в дореволюционной России «антисемитизма» в сущности вообще не было, а был «антииудаизм», прекращавшийся сразу же, как только иудей переходил в христианство. Другая проблема — определение научного понятия «фашизма» и его основных признаков, тем более что в его первоначальной форме итальянского фашизма «антисемитизма» не было, а немецкие национал-социалисты, сделавшие «антисемитизм» центральным пунктом своей национальной программы, сами себя «фашистами» не называли. Третья проблема — установление реальных причин распространения мифа о «русском фашизме», приравненном к «немецкому фашизму», даже в славное 50-летие Победы советских людей и главным образом русского народа в Великой Отечественной войне. Но все это, разумеется, выходит далеко за рамки данного письма.

Завершаю это письмо тем, что примерно через два месяца после упомянутой публикации в «Известиях» ко мне обратилась заместитель прокурора одного из районов Москвы с просьбой провести экспертизу еще нескольких публикаций. На мой вопрос о том, известно ли ей, что «Известия» изобразили меня как адвоката «русских фашистов», она ответила утвердительно, добавив, что она не вполне представляет себе сущность «русского фашизма». Что же касается «адвокатов», то она сказала, что таковые есть даже у людей, обвиненных, например, в убийстве; основная задача их состоит в том, чтобы отводить недостаточно обоснованные обвинения, причем, никто их за это не осуждает, а самим им следует только радоваться, если суд соглашается с их доводами. Эксперты отличаются от адвокатов тем, что они, хорошо понимая сущность рассматриваемых проблем, могут в интересах объективности помочь судопроизводству. Что я и стараюсь делать.

В. И. Козлов